

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. П. Заостровцев¹

НИУ «Высшая школа экономики» /

Международный центр

социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»
(Санкт-Петербург, Россия)

УДК: 330.1

РЕФОРМЫ ПЕТРА I КАК ВАРИАНТ АДАПТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению реформ Петра I с позиции исторической социологии и институциональной экономической теории. Ее задачей выступает выявление особенностей петровской модернизации и ее роли в формировании российской зависимости от траектории предшествующего развития, чему служит сравнение ее со сталинской модернизацией. В основу положено деление модернизации на два типа: адаптационную и вестернизационную модели. Это деление составляет методологическую базу исследования и позволяет в дальнейшем использовать метод сравнительного анализа при сопоставлении петровской и сталинской модернизации. Петровские реформы описываются как адаптационная модернизация: формальные институты Московии XVII в. вытеснялись импортными (западными), но при этом сохранялись базовые составляющие политической системы и политической культуры. В результате реформ сложилось полностью огосударственное общество и, соответственно, экономика. Тоталитаризм в России впервые заявил о себе в начале XVIII в. Он соединял архаичные институты Московии с внедренными импортными. Последние укрепили самодержавное правление и власть-собственность как институциональные основы России. В то же время в петровские реформы была встроена культурно-бытовая вестернизация. Она впоследствии стала базой углубленной вестернизации в форме освобождения дворянства от обязательной службы. Сравнительный анализ петровской и сталинской модернизации показал, что они имеют как общность, так и различия. Тотальное огосударствление жизни, нацеленность на милитаризацию, деспотизм их объединяют. В то же время петровская модернизация преобразовывала архаичное общество, тогда как сталинская возрождала архаику на месте вестернизирующегося общества начала XX в.

Ключевые слова: адаптационная модернизация, вестернизация, реформы Петра I, сталинская модернизация, формальные институты, неформальные институты.

¹ Заостровцев Андрей Павлович — к.э.н., доцент, профессор департамента госадминистрирования, НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» (Санкт-Петербург); e-mail: zao-and@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0302-4182.

Цитировать статью: Заостровцев, А. П. (2023). Реформы Петра I как вариант адаптивной модернизации. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 45–61. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-3>.

A. P. Zaostrovtshev

HSE University / International Center for Social-Economic Studies
“Leontiev Center” (St. Petersburg, Russia).

JEL: N90

REFORMS OF PETER I AS A VARIANT OF ADAPTIVE MODERNIZATION

The article considers the reforms of Peter I from the standpoint of historical sociology and institutional economic theory with the aim to identify the features of Peter's modernization and its role in forming Russia's path dependence, and this purpose is realized by comparing it with Stalin's modernization. The study rests on the division of modernization into two types: adaptation and westernization models. This division constitutes the methodological basis of the study and allows further use of comparative analysis in reviewing Peter's and Stalin's modernization. Peter's reforms are viewed as adaptive modernization: the 17th century formal institutions of Muscovy were replaced by imported (Western) ones, but at the same time basic components of the political system and political culture were preserved. The reforms resulted in a fully state-driven society and developed economy. Totalitarianism in Russia first took shape in the early 18th century. It combined the archaic institutions of Muscovy newly introduced imported ones. The latter strengthened autocratic rule, power-property as an institutional foundation of Russia. At the same time, cultural and everyday westernization was built into Peter's reforms. It subsequently became the basis of in-depth westernization in the form of the release of the nobility from compulsory service. A comparative analysis of the Peter's and Stalin's modernization showed that they have both common features and differences. Total nationalization of life, focus on militarization, despotism unite them. However, while Peter's modernization transformed the archaic society, Stalin's one revived the archaic in the place of westernized society of the early 20th century.

Keywords: adaptive modernization, westernization, reforms, Peter the Great, Stalinist modernization, formal institutions, informal institutions.

To cite this document: Zaostrovtshev, A. P. (2023). Reforms of Peter I as a variant of adaptive modernization. *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 45–61. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-3>.

Введение

Исследование реформ Петра I проводится в рамках концепции модернизации. В начале статьи развиты теоретические аспекты модернизации. Ключевым моментом является установление различий между адаптационной модернизацией и модернизацией в форме вестернизации. Обра-

щается внимание на то, что общества силовой цивилизации (основанные на власти-собственности) осуществляют адаптационную модернизацию, а вестернизацию принимают лишь в той мере, в какой она не подрывает базовые институты. Именно такой была петровская модернизация.

В следующей части статьи эта модернизация рассматривается через ее ключевые характеристики. В целом, они представляли собой импорт формальных институтов с Запада без вестернизации фундаментальных институциональных основ в виде неформальных институтов. В силу последнего он укрепил, а не разрушил патримониальное самодержавие, придавая ему большую эффективность и жизнеспособность в конкуренции с Европой. В то же время реформы Петра I были освобождением от мешавшей развитию архаики Московии. На культурно-бытовом уровне они несли мощный заряд вестернизации, проявившийся позднее и в виде радикального подрыва института всеобщего служения.

В последней части сравниваются петровская и сталинская модернизация. Показывается их схожесть как административно-командной модернизации, производившейся путем тотального огосударствления и милитаризации общества. В то же время петровская модернизация была сломом многих традиционных институтов Московии во имя прогресса; сталинская модернизация, напротив, возрождала ряд традиционных институтов Московии в новом облики. В этом заключается их важное различие.

Виды модернизации

Экономисты редко используют понятие «модернизация». Обычно им оперируют социологи. Краткий обзор появления и развития теории модернизации в интерпретации различных известных ее исследователей (от Т. Парсонса до Р. Инглхарта) можно найти в книге Д. Травина (Травин, 2022, с. 64–126). В то же время, несмотря на имевшуюся ранее высокую популярность этой теории¹, придется констатировать, что строгого определения модернизации до сих пор не существует. В этом легко убедиться, если воспользоваться работой Э. Гидденса и Ф. Саттона «Основные понятия в социологии».

«Модерн» стал своеобразным зонтичным термином для всех характерных особенностей постфеодальных обществ — для индустриализации, капитализма, урбанизации и урбанизма как способа жизни, секуляризации, установления и распространения демократии, превращения науки в непосредственную производительную силу и широкого движения к ра-

¹ Исследование А. Олейника показало частоту упоминания модернизации в зарубежной и российской экономической литературе. Построенные за 20 лет графики (1989–2019 гг.) однозначно указывают на ее падение с достигнутых ранее пиков, особенно в зарубежной литературе (Олейник, 2022, с. 93–94).

венству во всех сферах жизни. Модерн означает также подъем рационального мышления и действия, характеризующихся бесстрашной установкой на факты в отличие от эмоционального и религиозного отношения к миру» (Гидденс, Саттон, 2021, с. 25).

Все пишущие о модернизации определяют ее через похожие характеристики. Для иллюстрации приведем ее понимание Р. Коллинзом. Он выделяет в ней то, что он обозначил в качестве четырех модернизационных процессов: бюрократизацию, секуляризацию, капиталистическую индустриализацию и демократизацию (Коллинз, 2015, с. 265–266). Не менее многомерное определение модернизации встречаем и у российских авторов Д. Травина и О. Марганя. В нее включаются устойчивая рыночная экономика, формирование гражданского общества и демократии, мобильность общества (географическая и социальная), адаптационная способность «среднего человека» (гибкость реакции на динамичные перемены), возрастание рациональности (Травин, Марганя, 2004, с. 40; Травин, 2019, с. 18).

Казалось бы, что наборы этих разнообразных социальных характеристик не имеют отношения к реформам Петра I. Однако все будет выглядеть несколько по-другому, если разделить модернизацию на различные виды. Такое деление представлено А. Заостровцевым (Заостровцев, 2020, с. 147–150). В обществах, относящихся к так называемым силовым цивилизациям (основанных на власти-собственности) модернизация протекает преимущественно в форме адаптивной модернизации, которая распадается на два подвида: инструментальную и консервативную. Под первой понимается освоение новой техники и управленческих методов, под второй — трансформация и адаптация старых институтов к новым условиям. Если говорить о петровских реформах, то инструментальная модернизация очевидна. Что же касается консервативной модернизации, то в ее процессе такие старые, традиционные для Московии институты (самодержавие, власть-собственность) не уничтожались, а, напротив, становились сильнее за счет перевоплощения их в новых формальных институтах. Можно сказать, что, изменяясь в чем-то, встраивая в себя новые качества, они обретали второе дыхание.

Адаптивной модернизации противостоит модернизация как вестернизация. Она присутствует в ряде перечисляемых вышеприведенными авторами характеристик модернизации. Безусловно сюда попадут демократизация и базирующаяся на разделении власти и собственности рыночная экономика. Аналогично и гражданское общество. Вестернизация — это процесс вхождения социума в западную цивилизацию, которую английский историк Н. Фергюсон определил как «целый комплекс, включающий политический плюрализм (многочисленные государства, разделение властей), капитализм, свободу мысли, научный метод, верховенство права и защиту собственности, демократию» (Фергюсон, 2014, с. 425).

Была ли петровская модернизация вестернизацией? Если строго следовать ее определению, то отрицательный ответ будет представляться само собой разумеющимся. Более того, как станет видно из дальнейшего, многое в реформах Петра I можно трактовать и как контрмодернизацию с позиции канонов вестернизации. И, в то же время, элементы вестернизации в проводимых преобразованиях присутствовали. Их можно обозначить обобщенно как культурно-бытовую вестернизацию. На первый взгляд они нейтральны по отношению к базовым социально-экономическим институтам силовой цивилизации, но, как продемонстрировала история России XVIII в., будучи широко внедренными, они оказываются способными за относительно длительное время подточить их и привести к значительным изменениям в направлении вестернизации.

Адаптационная модернизация в рамках петровских реформ

Для того чтобы не запутаться в чуть ли не бесконечном обилии относящихся к ней фактов, попробуем выделить следующие ее составляющие:

1. Реформы государственного управления.
2. Огосударствление экономики.
3. Радикальная перестройка организации армии и создание ВМФ.
4. Огосударствление церкви.
5. Наука и образование с явной ориентацией на естественнонаучные знания.
6. Деспотический урбанизм по западным стандартам (Санкт-Петербург).

Реформы Петра I подробно описаны во множестве источников. В этом плане выделим работы Е. Анисимова (Анисимов, 1989, 2016). Кратко история реформ государственного управления изложена А. Кириным (Кирин, 2022, с. 13–30). Рассмотрим проведенные преобразования с позиции концепции модернизации и институциональной экономики.

Первое, что бросается в глаза, — это историческая устойчивость жизни внедренных формальных институтов. На это, в частности, обращает внимание Е. Анисимов (Анисимов, 1989, с. 8). Коллегии просуществовали до 1802 г. (80 лет); подушная система налогообложения (1724 г.) была отменена в 1887 г. (просуществовала 163 года), последний рекрутский набор состоялся в 1874 г. (почти 170 лет спустя после первого), синодальное управление церковью оставалось неизменным почти 200 лет (1721–1917), созданный в 1711 г. Правительствующий Сенат были ликвидирован в 1917 г. (206 лет). Это свидетельствует в пользу того, что внедренные сверху институты не были абсолютно чужды базовым неформальным институтам — политической культуре Московии. Они ломали практически все старые учреждения, но сохраняли и укрепляли при этом стержневой

элемент этой культуры — самодержавие, отсутствие политических субъектов за исключением единственного деспота.

В плане импорта институтов небезынтесен следующий эпизод. В начале XVIII в. организация государственного управления являлась государственной тайной. Никакой транспарентности и близко не было. Поэтому Петру I пришлось направить в Швецию своего шпиона — немца Генриха Фика. Он под видом устраивающегося на службу в одну из шведских коллегий раздобыл сведения об их устройстве и тайно вывез в Россию. В результате «росток бюрократического дерева, контролируемого в своем развитии на шведской почве выборными органами, был высажен на русскую почву, не имевшую, или, точнее сказать, давным-давно утратившую всякие черты самоуправления и элементы сословного представительства» (Анисимов, 2016, с. 114).

Разумеется, эффективность этого института была не та, что на родной почве. Коррупция разъедала государственный аппарат, не испытывавший давления со стороны представительной власти. Однако здесь удивляться надо не тому, что он работал с изъятиями, а тому, что он вообще работал. Причем проработал, как было отмечено, достаточно долго. И был, при этом, как властный орган результативнее приказов старой Москвы.

Впрочем, взгляд на это из современности не дает оснований для удивления. В авторитарных государствах XXI в. государственное управление точно так же копирует многие формальные институты демократических стран, не имея при этом опоры и противовеса в качестве реальной представительной власти. Часто формальные полномочия институтов государственного управления в такой системе не совпадают с действительными: их кто-то в самых решающих аспектах перехватывает и направляет в нужное для себя русло. В России XVIII в. этот «кто-то» был институт фаворитов царствующих особ, в XX в. — руководство коммунистической партии, в XXI в. — то, что в публицистике получило обобщенное наименование «Кремль» (смесь наиболее привилегированных силовиков с фаворитами). Историк Д. Коцюбинский не случайно обращает внимание на то обстоятельство, что давней традицией Руси является система «двух правительств» — номинального и реального (Коцюбинский, 2019, с. 140—141). Не Петр I был основателем этой системы (ее истоки можно связать с делением на земщину и опричнину Иваном IV), но он придал ей новое обличие.

Модернизацию, как было указано выше, связывают с бюрократизацией и социальной мобильностью. На первый взгляд, это вроде как противоречащие друг другу явления. На самом деле петровская Табель о рангах ликвидировала остатки местничества: родовитость перестала быть формальным основанием для занятия той или иной государственной должности. Несмотря на то, что явное предпочтение при поступлении государственную службу отдавалось дворянству, государственная карьера не была

наглухо закрыта для талантливых выходцев из недворянского сословия. Это подтверждает тот факт, что дворянство можно было официально приобрести, продвигаясь по службе (начиная с 8-го чина Табели). Аналогичная схема была предусмотрена и для военной службы (для получения дворянства необходимо было получить звание майора). По окончании Северной войны каждый пятый офицер в пехоте не был дворянином (Анисимов, 1989, с. 309). Не идеализируя ситуацию, можно сделать следующий вывод: модель бюрократизации страны по Петру I внедрила элементы меритократии и социальной мобильности.

В то же время петровская бюрократизация дворянства была тотальной. Было завершено построение того, что американский историк Р. Хелли назвал «служивым классом» (Hellie, 2005). Обязанность служить стала всеохватывающей и пожизненной. Огосударствление дворянства стало важнейшим признаком укрепления власти-собственности, которая тогда полностью реализует свою природу, когда охватывает собой человека, лишая его какого-либо личного суверенитета. Эту особенность петровской эпохи верно отметил Е. Анисимов: «Можно говорить лишь о привилегированном сословии военных и чиновных слуг русского самодержца, привилегии которых существовали до тех пор, пока они исправно исполняли свою службу. В противном случае они превращались в ничто, в пыль» (Анисимов, 1989, с. 313).

Не вдаваясь в подробности организации и существования недворянских сословий, заметим, что и они де-факто тоже принадлежали государству, хотя формально, не значились на государственной службе. Это был шаг назад, если иметь в виду модернизацию. В эпоху Московской Руси существовала категория «свободные люди», т.е. те, кто не мог быть отнесен к служивым или крепостным. Петр I с ней покончил: все сословия были так или иначе крепко привязаны к государству. Тем самым уничтожались те начала, которые могли бы стать истоками формирования гражданского общества.

Это видно и на примере второго направления преобразований — огосударствления экономики. Е. Анисимов назвал ее «крепостнической». Он пишет о превращении «промышленных предприятий, на которых зарождался капиталистический уклад, в предприятия крепостнической экономики, разновидность феодальной собственности — своеобразную вотчинную мануфактуру» (Анисимов, 1989, с. 290). Если убрать слово «феодальной» (поскольку феодализм базировался на разделении прав и обязанностей вассала и сюзерена и, как таковой, никогда не наблюдался в Московии), то с этим утверждением историка можно согласиться. Он дает точную характеристику власти-собственности на активы, подчеркивая, что в петровскую эпоху «компания не обладает правами настоящего владельца... Она осуществляет лишь вариант своеобразной аренды, условия которой четко определяются государством, имеющим право их из-

менить, вплоть до возвращения в казну отданного завода и даже конфискации построенного на своем “коште”» (Там же, с. 282). Р. Пайпс называл такую «собственность» условным владением (Пайпс, 2001, с. 283). «В глазах правительства Петра мануфактуры были теми же поместьями и ... его промышленная политика не внесла никакого вклада в развитие в России прав собственности» (Там же, с. 247)¹.

Таким образом, и с точки зрения прав собственности на активы петровские преобразования можно рассматривать как контрмодернизацию (если только считать вестернизацию неотъемлемой ее составляющей). Однако если касаться лишь адаптивной модернизации, то в этих реформах можно увидеть обе ее стороны: как инструментальную, так и консервативную модернизацию. Для иллюстрации обратимся к «индустриализации по-петровски». За 1695–1725 гг. возникло не менее 200 мануфактур разного профиля — в 10 раз больше, чем их было в конце XVII в. При этом уральские заводы добились лучшего в мире качества железа (Анисимов, 1989, с. 121, 125). Это — технологический аспект инструментальной модернизации. Однако, если рассмотреть реформы государственного правления, то можно заметить и принципиальные изменения в управленческой организации и практики. Реформа административно-территориального устройства, реформа внутреннего государственного управления (Сенат, Синод, коллегии), реформа государственной службы (Табель о рангах и пр.), реформа функционирования государственного аппарата (делопроизводства), финансовая и полицейская реформы и т.д.

Консервативная часть адаптивной модернизации заключалась, как уже известно, в активном приспособлении старых институтов к новым условиям. Серьезная мутация этих институтов в результате сознательных преобразований не меняла, а, напротив, сохраняла их глубинное ядро. Патриархальное самодержавие неопатримониального государства Московской Руси сменило самодержавие Российской империи, впитавшее в себя многие управленческие практики западного абсолютизма. Можно сказать, что возник радикально новый тип организации власти, но исконный смысл ее не поменялся. Его точно выразил выдающийся мыслитель того времени Феофан Прокопович в своем произведении «Правда воли монаршей»: «...высочайшая власть (величество нарицаемая) есть которой деяния ничьей власти не подлежат» (цит. по: Анисимов, 2016, с. 104).

Реорганизация военной машины имела огромное значение для всей последующей экспансионистской политики Российской империи. Да и вообще всеохватная милитаризация общества. Оно, пользуясь метким выражением историка А. Янова (правда, примененного к сталинизму),

¹ Здесь уместно вспомнить, что только при Екатерине II само слово собственность проникло «в словарь официальных документов как русский перевод немецкого Eigentum (Eigendum)...» (Пайпс, 2001, с. 251).

превратилось в «колонию ВПК» (Янов, 2017, с. 429). Исследователи этого вопроса обычно забывают подчеркнуть, что эта политика не столько приносила какие-то выгоды стране (нередко в чисто экономическом плане она была убыточна), сколько составляла неформальный институт легитимации власти. Причем этот институт только укреплялся со временем. Если власть терпела поражения в военных столкновениях, то ее легитимность от этого серьезно страдала и вела к радикальным переменам в обществе. Крымская война (1854—1855 гг.), русско-японская война (1904—1905 гг.) и, наконец, Первая мировая война (1914—1918 гг.). Последний такой исторический эпизод был представлен неудачной десятилетней войной в Афганистане (1979—1989 гг.). Конечно, социальные перемены, следовавшие после перечисленных событий, имели глубокие внутренние причины, но при этом нельзя и умалять то обстоятельство, что военные неудачи ставили под вопрос правильность политики и организации власти в целом.

И, напротив, победа в войнах с Наполеоном, успешная в целом русско-турецкая война 1877—1878 гг., и, конечно же, победа в той части Второй мировой войны, которая в отечественной историографии именуется Великой Отечественной, снимали с повестки дня требования проведения каких-либо радикальных перемен. Последним событием в этом ряду является присоединение Крыма в 2014 г. Расширение границ государства рассматривается массами в России как некое приращение собственной функции полезности, которое компенсирует хотя бы отчасти неудовлетворенные повседневные нужды и низкое качество социальных услуг. Популярность в народе Петра I как исторической фигуры, затмевающей всех царствующих особ из династии Романовых, обуславливается его самыми важными территориальными захватами в истории России.

Огосударствление церкви, превращение ее в некое министерство идеологии, выразившееся в отмене института патриаршества и создании Синода, можно рассматривать как, с одной стороны, завершающее действие по построению тоталитарного государства в начале XVIII в., но, с другой стороны, и как элемент модернизации в форме секуляризации. Дело в том, что, оказавшись под государством, православная церковь со временем перестала рассматриваться как нечто отдельное от него. И отношение к ней было такое же (если не хуже), чем отношение к власти в целом. Вместе с утратой царской властью авторитета в начале XX в. терялся и авторитет церкви. Этим объясняется относительная легкость замены большевиками православия культом марксизма-ленинизма.

Однако вернемся к эпохе Петра I. Умаление религии сыграло большую роль в появлении и развитии естественнонаучных и технических знаний на российской почве. Для того чтобы осознать это, необходимо понять тот практически безнадежный тупик, в котором оказалась Московия XVII в. «В эпоху, когда, словно грибы после дождя, вырастали в Европе академии, имевшие среди своих членов такие имена, как Лейбниц, Нью-

тон, Бойль, Мальпиги, в Московии не было даже начальных школ» (Янов, 2007, с. 103)¹. На пути просвещения и науки стояла церковь. «На столетие Русь застревает в историческом тупике Московии, превращаясь в угрюмую, фундаменталистскую, перманентно стагнирующую страну, навсегда, казалось, культурно отставшую от Европы» (Янов, 2015, с. 211).

Петр I, конечно, не был атеистом², но его отношение к церкви было сугубо инструментальным: она хороша лишь тогда, когда служит светским целям государства. Если она мешает обретению необходимых для его могущества знаний и умений, то она должна уйти с дороги. «...Бессмертная заслуга Петра состоит в том, что развернув страну к Европе, он разрушил Московию, заведшую страну в тупик православного фундаментализма, и открыл Россию мировой культуре» (Янов, 2017, с. 468).

И, наконец, о деспотическом урбанизме Петра I. Здесь снова наталкиваемся на все то же противоречие между деспотическими методами строительства Санкт-Петербурга и европейской направленностью проекта. Город был основан на чужеземной территории, война со Швецией только начиналась. И хотя никакого указа об объявлении Санкт-Петербурга столицей не сохранилось, в 1712 или в 1713 г. он стал резиденцией царя. После этого на берега Невы стали перебираться иностранные представительства, в городе основывались правительственные учреждения (Анисимов, 2016, с. 146). Таким образом, Санкт-Петербург стал столицей, де факто еще располагаясь в иностранном государстве. Вряд ли где в истории можно найти подобные случаи.

Переезд из Москвы в Санкт-Петербург был не просто событием в области строительства и архитектуры. Город — это люди, а значит, и определенная социальная среда. Перенос столицы в город, построенный практически на чистом месте, по планам европейских архитекторов, он разрывал старые социальные связи переселенцев, наделяя их духом близости к европейской культуре. Преимущественно через Санкт-Петербург шли контакты с Западом и как узел морской внешней торговли он стал отбирать пальму первенства у Архангельска (правда, такое изменение потоков внешней торговли было достигнуто искусственно — волевыми распоряжениями императора).

«Окно в Европу» в дальнейшем сыграло примечательную роль в жизни России. Пока оно выступало в качестве столицы (надо признать, что логистически расположенным не очень удобно по отношению к террито-

¹ Имеется в виду, конечно, отсутствие начального образования как системы с достаточно широким охватом, которая в XVII в. уже внедрялась в европейских странах. Отдельные светские школы появляются в Московии лишь в последние два десятилетия этого века. Например, типографская школа, школы при Печатном и Пушечном дворах.

² Однако «опытное знание, законы природы Петр ставил выше всего» (Анисимов, 2016, с. 162).

риям остальной страны), российские институты сдвигались в сторону западных (пусть и с периодами серьезных отступлений от западного вектора движения). Вестернизация России достигла своего пика перед Первой мировой войной. Перенос большевиками столицы в Москву, хотя и был непосредственно связан с известными конкретными обстоятельствами того времени, ознаменовал крах европейского проекта — долго «спавшая» Московия была «разбужена» в индустриальную эпоху под громкий зов коммунизма.

Были ли в петровской адаптивной модернизации элементы вестернизации? Да, были. Это, в первую очередь, сеть контактов с Западом в самых различных областях, благодаря которым состоялся радикальный информационный прорыв. Во-вторых, вестернизация быта, которую тоже никак нельзя сбрасывать со счетов. Женщина-боярыня в московском тереме (слово «терем» есть искаженное тюркское слово «гарем») и женщина-аристократка на какой-нибудь петровской ассамблее — это, можно сказать, два разных социальных типа. Обретение сходства с людьми из Европы в манерах одеваться, вести светскую жизнь, стремление к освоению (как материальному, так и духовному) европейских достижений сыграли свою роль в подрыве петровского тоталитаризма, но только уже во второй половине XVIII в.

Петровская и сталинская модернизации: сходство и различие

Петровская модернизация нередко сравнивается со сталинской модернизацией 30-х гг. XX в. Весьма заурядным в таких случаях стало цитирование строк из поэмы «Россия» Максимилиана Волошина (Волошин, 2022):

Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к ее грядущим далям.

Образ «первого большевика» напрашивается, но в то же время он несет в себе и серьезную ошибку. Петр I унаследовал архаичный общественный порядок Московии, который обуславливал стагнацию и отсталость от Европы. В нем не наблюдалось сколько-нибудь существенных модернизационных трендов, динамики, а, тем более, вестернизации. Если обращаться к современным образцам для сравнения, то это была помесь Ирана с Северной Кореей. Несмотря на деспотическую модель адаптивной модернизации, Петр I отчасти выводил страну из архаики и изоляции (вырывал ее из Московии). И, в конечном счете, заложенная им бытовая вестернизация сыграла свою роль в качестве запала в деле подрыва фундаментального института — того, который К. Маркс, применительно

к азиатскому способу производства, именовал «поголовным рабством» (Маркс, 1968, с. 280).

Сталин же в качестве предшественника имел не архаичную Московию, а вестернизирующееся общество. Россия в начале XX в. все активней впитывала в себя институты правовой цивилизации (от частной собственности и гражданских прав — до элементарных политических свобод). Целью Сталина была девестернизация как окончательное подавление этих институтов и замена их на модернизированную архаику: военно-промышленную индустриализацию в рамках новой модели азиатского способа производства, способного противостоять капиталистическому обществу той эпохи. В сущности, воспроизводилось то самое, служилое государство. Можно даже определить существовавшую в СССР разновидность социализма как Московию 2.0¹. Тень Московии закрыла Петербург.

Е. Анисимов характеризует петровскую модернизацию как «модернизацию институтов и структур власти ради консервации основополагающих принципов традиционного режима...» (Анисимов, 1989, с. 13). В этом сходство петровской и сталинской модернизаций. «...Он [Петр. — А. З.] выступал отцом-основателем того самобытного отечественного типа модернизации, который в XX в. опять будет востребован вторично» (Ахиезер и др., 2005, с. 255). С той лишь разностью, что ему пришлось ради этой модернизации уничтожать часть архаики, тогда как Сталину пришлось строить новую архаику. Американский юрист-либертарианец Б. Линдси довольно точно определил социализм XX в. как «промышленную контрреволюцию» (Линдси, 2006, с. 154). Под ней как раз и понималась некапиталистическая форма индустриализации.

Представленная модель двух модернизаций позволяет ответить на порождающий большую разногласию вопрос: а можно ли вообще говорить, например, о петровской (Петра I) или сталинской модернизации? Начнем с первой из них. Историк А. Янов безусловно «за» Петра-модернизатора. «Железной самодержавною рукою Петр ликвидирует иосифлянский фундаментализм и снова поворачивает российскую элиту лицом к Европе...» (Янов, 2009, с. 251). Другой полюс представлен мнением Д. Травина: «Хоть Петр и признавал важность экономического развития, его реформы оставили хозяйственную систему России в тяжелом состоянии, поэтому вряд ли можно говорить о деяниях первого русского императора как о модернизации» (Травин, 2019, с. 58).

Что касается позиции Д. Травина, то отметим следующее. Во-первых, тяжелое состояние хозяйственной системы отнюдь не означает, что она не подверглась модернизации. В таком случае и реформы Е. Гайдара также нельзя считать таковой. И по поводу этого состояния нужно еще заметить, что оно-то как раз и может быть признаком реальной модернизации

¹ Подробнее см.: (Заостровцев, 2017).

ции. Встряска старых основ не проходит гладко. Во-вторых, Д. Травин, в отличие от А. Янова, не обратил внимания на такую важную составляющую петровских реформ, как подрыв религиозного фундаментализма. А ведь следуя одному из выдвинутых им признаков модернизации — рациональному поведению, такой подрыв должен вести по направлению к его утверждению.

Если бы оба автора проводили различие между модернизацией как вестернизацией и модернизацией как адаптацией, то их позиции в оценке петровских преобразований можно было бы примирить. Петровская модернизация, естественно, была, но была адаптационной. Никакой вестернизацией как созданием и развитием институтов гражданских и политических прав индивидов она не сопровождалась. Скорее, наоборот. «Он [Петр I. — А. З.] укрепил, обновил с помощью взятых на Западе новых идей и институтов традиционный режим самодержавия, чем обеспечил его существование еще на два столетия» (Анисимов, 2009, с. 250).

В то же время петровские реформы интересны и с точки исследования взаимосвязи адаптивной модернизации и вестернизации. Адаптивная модернизация, по Петру, сопровождалась и культурно-бытовой вестернизацией. Причем очень мощной. Более того, успешность многих мероприятий адаптивной модернизации была бы невозможна без притока западных идей (пусть не социальных, а чисто технических и управленческих), и людей. Петр I произвел прорыв в направлении открытости Европы для элиты. И это случилось через полвека — когда его внук (Петр III) обрушил одну из основ старой Московии, — тотальное служилое рабство: дворянство стало обретать гражданские права. В дальнейшем они были подтверждены Екатериной II. Вольность дворянства стала подлинной, безоговорочной вестернизацией. Следующий шаг в этом направлении состоялся только в середине XIX в. в связи с отменой крепостного права и серией других реформ (прежде всего, судебной).

Не менее (если не более) противоречивой была сталинская модернизация. Это заметно хотя бы по тому, какие трудности в вопросе ее трактовки испытывает британский политолог Р. Саква. «Хотя формально Сталин модернизировал Россию, — пишет он, — характер этой “модернизации” весьма сомнителен» (Саква, 2011, с. 99). При этом замечает, что в целом картина советской индустриализации и модернизации была искаженной. «Это был пример ложной модернизации, которая подражала моделям развития передовых индустриальных обществ, но которой не доставало фундаментальных динамичных элементов, позволявших развиваться таким обществам» (Там же, с. 100). Ложность же модернизации заключается в том, что «экономическая система оторвалась от потребностей общества» и «превратилась в вечный механизм, сосредоточенный главным образом на военно-промышленных задачах повышения международного статуса правящей элиты» (Там же). Р. Саква называет эту модель социального

развития анахронизмом и заключает, что «коммунистическое развитие — это модернизация без духа современности...» (Там же, с. 143).

Мнимая или ложная модернизация, согласно введенной Р. Саквой терминологии, — это и есть модернизация без вестернизации (адаптивная модернизация). Сталинская модернизация «осуществлялась в военно-приказном порядке» (Ахиезер и др., 2005, с. 516). Без свободы, прав собственности и даже рынка. Этим она во многом подобна модернизации Петра I, истинная суть которой «состояла в том, чтобы увеличить эффективность командования и контроля, а не в том, чтобы облегчить проявление инициативы снизу» (Хедлунд, 2015, с. 192). Говоря о российских модернизациях, шведский экономист С. Хедлунд верно отмечает, что они носили преимущественно технический характер и им «ни разу не удалось перейти порог вестернизации...» (Там же, с. 253).

Последнее суждение правомерно: несмотря на наличие временами мощных вестернизационных трендов, Россия ни разу не пережила радикальной институциональной революции, переводящей ее из силовой или властесобственнической цивилизации в правовую. Властесобственническая Россия воспринимает эти тренды как вызовы, на которые следует сокрушительный ответ, порождающий обновленные институты традиционного для нее социального порядка.

Заключение

В итоге можно сформулировать ряд положений, которые обобщают вышеизложенное.

Во-первых, анализ любой модернизации должен строиться на проведении различий между адаптацией общества к новым условиям существования и его вестернизацией. Хотя, в то же время, нельзя не признать, что не всегда возможно провести четкую разделительную полосу между этими двумя явлениями. Модернизацию, не переросшую в вестернизацию, можно назвать тупиковой, ибо, в конечном счете, она не порождает устойчивых стимулов к саморазвитию. Как петровская, так и сталинская модернизация были именно таковыми.

Во-вторых, петровская модернизация — это модернизация в рамках деспотической государственной власти и командной экономики. Аналогично и сталинская модернизация. Обе модернизации носили державно-милитаристский характер и руководствовались политическими имперскими мотивами.

В-третьих, петровская модернизация была, одновременно, и глубокой культурно-бытовой вестернизацией сверху. Она ознаменовала начало поворота к Западу в императорский период истории России. Из нее со временем вышел и общий вестернизационный вектор движения страны, трансформировавший и ряд базовых институтов. В отличие от этого, сталинская

модернизация стала символом поворота в противоположном направлении: были «сняты» все атрибуты вестернизации, внедрившиеся в императорский период. Разрушение же патриархальной семьи и религии было компенсировано восстановлением всеобщего служения («вместе — целая семья») и учреждением квазирелигии в форме принуждения к идеологическому единообразию марксистско-ленинского толка.

Петровские реформы стали примером импорта формальных институтов ради сохранения прежних фундаментальных неформальных институтов. Их опыт показал, что такое вполне возможно. Более того, если этот импорт вписывается в системную среду, то привнесенные институты закрепляются надолго, общество обретает большую динамику и, одновременно, устойчивость к внешним негативным воздействиям. Петровских реформ «хватило» до конца XIX в. — начала XX в.

Список литературы

- Анисимов, Е. В. (1989). *Время петровских реформ*. Л.: Лениздат.
- Анисимов, Е. В. (2016). *Императорская Россия*. СПб.: Питер.
- Анисимов, Е. В. (2009). *История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты*. СПб.: Питер.
- Ахизер, А., Клямкин, И., & Яковенко, И. (2005). *История России: конец или новое начало?* М.: Новое издательство.
- Волошин, М. (2022). *Россия*. <https://www.culture.ru/poems/33403/rossiya>
- Гидденс, Э., & Саттон, Ф. (2021). *Основные понятия в социологии*. 3-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Заостровцев, А. П. (2020). *Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути?* СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Заостровцев, А. П. (2017). «Служилое государство» в постсоветской России: II реинкарнация матрицы Московии. В кн. А. П. Заостровцев (ред.). *Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь?* (с. 46–68). СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр».
- Кирин, А. В. (2022). *Государственные реформы в России: от Петра до Путина*. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. DOI: 10.17323/978-5-7598-2700-9
- Коллинз, Р. (2015). *Макроистория: Очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС: ЛЕНАНД.
- Коцюбинский, Д. А. (2019). Цивилизация ресентимента. Институционально-исторический анализ русской политической культуры. В кн. А. П. Заостровцева (ред.). *Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы* (с. 109–151). СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр».
- Линдси, Б. (2006). *Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма*. М.: Альпина Бизнес Бук.
- Маркс, К. (1968). *Экономические рукописи 1857–1859 годов*. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. Ч. I. М.: Госполитиздат.
- Олейник, А. Н. (2022). Российский экономический дискурс в 1989–2020 гг. через призму больших данных. *Финансы и бизнес*, 1, 85–96.
- Пайпс, Р. (2001). *Собственность и свобода*. М.: Московская школа политических исследований.

Саква, Р. (2011). *Коммунизм в России. Интерпретирующее эссе*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Травин, Д. Я. (2022). *Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии*. М.: Издательство Института Гайдара.

Травин, Д. Я. (2019). *Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России*. СПб.: Издательство Европейского университета.

Травин, Д. Я., & Маргания, О. Л. (2004). *Европейская модернизация*. В 2 кн. Т. 1. М.: ООО «Издательство АСТ», СПб.: Terra Fantastica.

Фергюсон, Н. (2014). *Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира*. М.: АСТ: CORPUS.

Хедлунд, С. (2015). *Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Янов, А. Л. (2007). *Россия и Европа. В 3 кн. Кн. вторая. Загадки николаевской России. 1825–1855*. М.: Новый Хронограф.

Янов, А. Л. (2009). *Россия и Европа. В 3 кн. Кн. третья. Драма патриотизма в России. 1855–1921*. М.: Новый Хронограф.

Янов, А. Л. (2015). *Русская идея. От Николая I до Путина. Книга первая (1825–1917)*. М.: Новый хронограф.

Янов, А. Л. (2017). *Спор о «вечном» самодержавии: от Грозного до Путина*. М.: Новый Хронограф.

Hellie, R. (2005). The Structure of Russian Imperial History. *History and Theory*, 44(4), 88–112.

References

Akhiezer, A., Klyamkin, I., & Yakovenko, I. (2005). *History of Russia: The End or a New Beginning?* М.: Novoe izdanie.

Anisimov, E. V. (2009). *History of Russia from Rurik to Putin. People. Developments. Dates*. SPb.: Piter.

Anisimov, E. V. (2016). *Imperial Russia*. SPb.: Piter.

Anisimov, E. V. (1989). *Time of Peter's reforms*. L.: Lenizdat.

Collins, R. (2015). *Macrohistory. Essays in Sociology of the Long Run*. М.: URSS; LENAND.

Ferguson, N. (2014). *Civilization. The West and the Rest*. М.: АСТ: CORPUS.

Giddens, A., & Sutton, Ph. W. (2021). *Essential Concepts in Sociology*. 3rd ed. М.: NRU HSE.

Hedlund, S. (2015). *Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure*. М.: NRU HSE.

Kirin, A. V. (2022). *State reforms in Russia: from Peter to Putin*. 2nd ed. М.: NRU HSE. DOI: 10.17323/978-5-7598-2700-9

Kotsyubinskii, D. A. (2019). The Civilization of Resentment. Institutional and Historical Analysis of Russian Political Culture. In A. P. Zaostrovtssev (ed.). *Institutional Economics: History, Problems and Prospects* (p. 109–151). SPb.: MTsSEI “Leontiev Center”.

Lindsey, B. (2006). *Against the Dead Hand. The Uncertain Struggle for Global Capitalism*. М.: Alpina Business Book.

Marx, K. (1968). *Economic Manuscripts 1857–1859*. Marx K., Engels F. *Sobr. Soch.* V. 46. P. I. М.: Gospolitizdat.

Oleinik, A. N. (2022). Russian Economic Discourse in 1989–2020 through the Prism of Big Data Discourse. *Finance and Business*, 1, 85–96.

- Pipes, R. (2001). *Property and Freedom*. M.: Moscow School of Political Researches.
- Sakwa, R. (2011). *Communism in Russia. An Interpretative Essay*. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).
- Travin, D. Ya. (2022). *How the State Gets Rich: A Guide to Historical Sociology*. M.: Gaidar Institute.
- Travin D. Ya. (2019). *Steep Hills of the XXI Century: Post-modernization and Problems of Russia*. SPb.: European University in St. Petersburg.
- Travin, D., & Marganiya, O. (2004). *European Modernization*. V.1. M.: AST, SPb.: Terra Fantastica.
- Voloshin, M. (2022). *Russia*. <https://www.culture.ru/poems/33403/rossiya>
- Yanov, A. L. (2007). *Russia and Europe*. In 3 books. Book second. *Mysteries of Nikolaev Russia. 1825–1855*. M.: New Chronograph.
- Yanov, A. L. (2009). *Russia and Europe*. In 3 books. Book third. *The drama of patriotism in Russia. 1855–1921*. M.: New Chronograph.
- Yanov, A. L. (2015). *Russian idea. From Nicholas I to Putin*. Book One (1825–1917). M.: New Chronograph.
- Yanov, A. L. (2017). *The Dispute about the “Eternal” Autocracy: From Grozny to Putin*. M.: New Chronograph.
- Zaostrovtssev A. P. (2020). *Modernization Debate: Common Road or Special Ways?* SPb.: European University in St. Petersburg.
- Zaostrovtssev, A. P. (2020). “Serving State” in Post-Soviet Russia: II Reincarnation of the Matrix of Muscovy. In A. P. Zaostrovtssev (ed.). *Russia 1917–2017: European modernization or a special path?* (p. 46–68). SPb.: MTsSEI “Leontiev Center”.